

DOI 10.22363/2312-9220-2020-25-2-234-246
УДК 821.16.1

Научная статья

Русская и русскоязычная проза в ситуации мультикультурности: опыт Казахстана

У.В. Овчеренко, И.В. Монисова

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Российская Федерация, 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 51

Аннотация. Статья посвящена современному литературному процессу в Казахстане – его русскому и русскоязычному сегменту – на фоне интеграционных движений в мире и специфических культурных процессов на постсоветском пространстве. Выявляется, насколько изменились за последние десятилетия в регионе положение и роль литературы, создаваемой на русском языке, как выражается на нем иная идентичность, менталитет иной культуры и как эта культура, в свою очередь, воздействует на тексты русскоязычные. Делается попытка проследить основные тенденции в развитии современной казахстанской литературы на русском языке, в связи с чем анализируются произведения И. Одегова, Г. Дорониной, Х. Адибаева, Д. Накипова, А. Жаксылыкова и др. Делается вывод о том, что русский язык и после утраты им бывшего статуса остается востребованным в литературе не только этническими русскими, но и казахами-билингвами, успешно экспериментирующими с тюркизмами. При этом русские авторы озабочены сохранением национальной идентичности, что мотивирует обращение к классике и национальному фольклору, тогда как казахские больше ориентированы на пространство мировой литературы.

Ключевые слова: литература Казахстана на русском языке, двуязычие, современная проза, культурный диалог, идентичность, мультикультурность, интеграция, диалог с Другим

Введение

Современный мир, в том числе и постсоветское пространство, несмотря на официальные границы, политические конфронтации, исторические претензии, санкции и т. п., представляет собой интегрирующуюся реальность. Разные национальные культуры (и литературы в частности) не только входят в тесное взаимодействие и диалог, но и порой являют миру самые разнообразные гибридные формы и синкретические образования. Взаимодействие с иной языковой, политической, культурной средой, постоянный диалог с Другим (по Бахтину) – это новая реальность, в которой возникает вопрос о продуктивности взаимодействия «своего» и «чужого» и/или «другого» в развитии любой национальной литературы, что, безусловно, актуализирует и обогащает на современном этапе идеи А. Веселовского, В. Жирмунского, Н. Кон-

© Овчеренко У.В., Монисова И.В., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

рада, Ю. Тынянова, М. Бахтина, Ю. Лотмана. В этой связи основополагающей можно считать устоявшуюся в мировых гуманитарных исследованиях мысль о том, что «границы в пространстве культуры наделены способностью не только разделять, но и связывать, выступая местом встречи разнородных смысловых потоков и рождения новых смыслов» [1].

Феномен билингвизма и проблема диалога культур имеют свою специфику в условиях постсоветского пространства, где совмещение родного для титульной нации и русского (в недавнем прошлом государственного) языков по-прежнему происходит на уровне сознания и коммуникации, где есть немалая русскоязычная аудитория и мотивация расширить ее за счет российской. Эта проблематика очень актуальна для современного Казахстана.

Русская и русскоязычная казахстанская проза в ситуации мультикультурности

Новейший литературный процесс в Казахстане представляет собой явление разнообразное и сложное, не исключение и та его часть, которая касается авторов с русской идентичностью и казахов, предпочитающих писать по-русски в ситуации, когда русский язык утратил статус государственного. Сегодня русская литература существует и развивается в окружении литературы на казахском, при нарастающем присутствии английского языка в жизни страны, что, разумеется, привносит свой колорит в формирование общего литературного процесса. В стране действуют разнообразные русскоязычные издания – как толстые литературные журналы, так и популярные интернет-издания. В течение последних десятилетий после распада СССР русскоязычная казахстанская литература переживает заметный подъем и обновление в области стилистики, жанров и выбора литературных направлений. Казахские писатели более не ограничиваются заданными в Европе жанровыми канонами, а органично сочетают их с типично восточными формами поэзии и прозы, связанными с казахской культурой исторически. Важно в этом контексте условиться о различии работающих в одном культурном пространстве русских и русскоязычных писателей, которого придерживается большинство казахстанских литературоведов и критиков: к русскоязычным относятся писатели-билингвы, то есть этнические казахи, пишущие на русском языке, а к русским – этнические русские, пишущие на своем родном языке. Подобное разделение актуально по ряду причин: русская и русскоязычная литература различаются стилистически и тематически, нередко отражают описываемую реальность под разными углами зрения, используя различающиеся формы рефлексии. Например, темой творчества становится не только современная жизнь, но и воспоминания о советском прошлом, на которое приходится молодость и становление личности литературного героя того или иного произведения. Таковы персонажи романов А. Чудакова «Ложится мгла на старые ступени» и Д. Накипова «Круг пепла». Осмысливая прошлое, русские авторы опираются, как правило, на опыт мемуаристики классической русской литературы, тогда как русскоязычные писатели преломляют события макроистории сквозь национальную микроисторию, данную в личностных переживаниях и действиях персонажей. Актуальной для русскоязычных авторов остается проблема экологии, последствий испытаний на Семипала-

тинском ядерном полигоне. Так, в романе 2014 года «Синхро» С. Каирханова затрагивается эта все еще не пережитая казахстанцами травма, а А. Жаксылыков посвящает данной трагедии трилогию «Сны окаянных».

Что касается литературных направлений, то современной казахстанской прозе конца 1990-х – начала 2000-х годов свойственно тяготение к постмодернистской европейской традиции, эксперименты не только с материалом, но и языком. На лингвистическое своеобразие казахстанской литературы стоит обратить особое внимание: по сути, русскоязычные казахстанские писатели расширяют границы русского языка, его выразительные возможности. Синтез русских и казахских произносительных норм, выполненный в рамках литературного русского языка, не только придает тюркский колорит русскоязычному тексту, но и демонстрирует то, насколько гибок и подвижен язык как средство выражения культурных и языковых особенностей. Подбор, к примеру, сингармоничных элементов русской орфоэпической нормы, родственных по духу и звучанию исконному казахскому сингармонизму, позволяет читателю «слышать» казахскую речь, выраженную при этом русским языком. Например, для казахского языка характерна следующая словообразовательная модель: чтобы создать превосходную степень прилагательного, необходимо повторить корень искомого прилагательного, добавив к нему суффикс «п», и присоединить новую конструкцию к исходному прилагательному. Таким образом, из «жасыл» – «зеленый» получается «жап-жасыл» – «очень зеленый». Д. Накипов творчески осмысляет эту словообразовательную модель, создавая существительное «хор-хорёчек», оставляя и русский уменьшительно-ласкательный суффикс существительного, и казахскую модель словообразования. В данном случае автор не ставит перед собой цель видоизменить грамматические нормы – он пытается добиться такого акустического эффекта, при котором бы распознавалась казахская речь, при этом сохраняя русскую грамматику. (Отметим здесь, что русские авторы к подобным приемам не прибегают.) Сказанное не означает, что постмодернистский вектор единственный в современной литературе Казахстана, ее представляют и писатели, тяготеющие к реалистической эстетике, например билингв Р. Сейсембаев и русский Г. Доронин.

Стоит особо отметить, что обе группы писателей выделяют своих предшественников. Так, русские писатели Казахстана обращены непосредственно к русской и европейской литературной традиции. На творчество русскоязычных писателей Казахстана во многом влияет наследие Олжаса Сулейменова, заявившего о себе еще в эпоху шестидесятников, известного своими поэтическими произведениями, а также книгой «Аз и Я», посвященной выявлению скрытых тюркизмов в «Слове о полку Игореве». Несмотря на то что последняя была отвергнута научным сообществом, именно она стоит у истоков самой идеи билингвальности литературного произведения и влияет на многих тюркоязычных писателей и поэтов. Идея синтеза разных картин мира и языков весьма привлекательна и по-прежнему актуальна в условиях полинациональной среды Казахстана:

Нет Востока, и Запада нет.
 Нет у неба конца.
 Нет Востока, и Запада нет,
 Два сына есть у отца.
 Нет Востока, и Запада нет,
 Есть Восход и закат,
 Есть большое слово – ЗЕМЛЯ! [2]

Н. Сагандыкова отмечает, что переводы Сулейменова на казахский язык были не столь успешными, как оригинал, написанный на русском. Причина этого, по мнению исследователя, в том, что силлабическая система казахского стихосложения лучше осваивает произведения русских поэтов, написанные трехсложными размерами, а также пяти–шестистопным ямбом и хореем. Поэтому, говоря о поэтических переводах с русского на казахский язык, она замечает, что «читатель от их прочтения не получает того эстетического удовольствия и радости, как от прочтения оригинала...» [3]. Это умозаключение важно в контексте анализа выразительных средств, используемых русскоязычными писателями Казахстана. Столкнувшись с неудачными результатами переводов с русского на казахский язык, современные русскоязычные авторы задумались над адаптацией выразительных средств, предлагаемых русским языком, с целью вместить в него и некоторые элементы казахского сингармонизма и силлабики. Например, казахской литературной речи свойственно сопровождать существительное сразу несколькими прилагательными, что сообщает повествованию некоторую напевность. В текстах Накипова на русском языке находим аналогичный прием: для описания действия или состояния он использует несколько частей речи подряд и пишет их через дефис, создавая таким образом не только определенный ритм повествования, но и ощущение текучести действия или образа, невозможности разделить его на стадии: «медленно-слишком долго», «нора-обиталище», «тихий-смирный-нежный-грустный», «прошло-улетело».

Как можно определить основные тематические и стилевые тенденции, актуальные для современной русскоязычной прозы Казахстана? Глобализация литературного процесса существенно продвинула казахстанскую литературу – авторы успешно осваивают общемировые проблемы бытия, тогда как интерес к остросоциальным темам, характерный для казахстанского литературного процесса советского периода, отступает на второй план. Х. Ортега-и-Гассет говорил о том, что мы воспринимаем и жизнь, и предметы искусства через призму собственного сознания, словно человек, который смотрит на сад через окно [4]. Образно говоря, казахстанских авторов сейчас все больше интересует не сад как объект изображения и не факт того, что мы смотрим на сад через окно – авторы обратили свое внимание к самому окну. Почему сад видится именно таким и именно через это окно – вот главный вопрос современной литературы. Н. Сарсекеева отмечает возрастающую долю эссеизма в литературе, возобладание над повествованием авторской рефлексии: «Яркие, запоминающиеся мыслеобразы, “вторжение” автора в структуру повествования как доминирующие признаки стиля отличают прозу новейшего периода независимо от того, какие тенденции в ней преобладают – реалистические (“неоклассические”), модернистские или постмодернистские» [5]. Не описание, но восприятие современности, разговор о ней с читателями в разных формах выходят на первый план в литературе, при наличии сюжета последний подчиняется авторской рефлексии, движем ею, часто в повествовании освещаются лишь события, отмеченные личным опытом и эмоциональными оценками персонажей.

Сарсекеева выделяет такое литературное течение, как «новый» интеллектуальный казахстанский роман рубежа XX–XXI веков (Х. Адибаев, Д. Наки-

пов, А. Жаксылыков и др.), в котором преобладает «безгеройность» повествования (в смысле отсутствия героя-протагониста), «ломаный» сюжет (исследователь называет так сюжет, протекающий в разных временах и/или пространствах). «Казахская проза периода независимости отличается тенденцией к синтезу различных методов и жанровых экспериментов, поисками оригинального стиля» [6]. К примеру, жанр одного из выдающихся текстов последних лет – романа Д. Накипова «Круг пепла» – определен самим автором как «роман интенций», между тем произведение признано исследователями первым постмодернистским казахстанским романом, свободным от влияния западных тенденций. А. Жаксылыков и А. Жаппарова отмечают, что «Круг пепла» представляет собой гипертекст, «сотканный из огромного количества микротекстов, интертекстов, реминисценций, аллюзий с локализованными темами и подтемами и общим концептуальным планом» [7]. Действительно, тексту романа свойственны фрагментарность и расфокусированность субъекта: повествование, переходящее от одного к другому из пяти персонажей перемежается с песнями самионов, картинами их быта и мифами, а также описанием жизни на планете-близняшке, иронией и черным юмором, эротизмом, присутствием постмодернизму в целом [8]. Можно предположить, что, помимо прочего, такое повествование ориентировано на айтматовский «код» (современность + древние притчи + космическая тема), хотя у Накипова мир самионов и оносамов выстроен в отдельную сюжетную линию («прошлое – альтернативное настоящее»), которая реализует философию романа. Кроме этого, в произведении усматриваются признаки жанра «романа с ключом». Так, Накипов мифологизирует культурно значимые топосы Алма-Аты 60-х годов XX века – кафе Акку, где велись жаркие философские и культурные споры и собирався мыслящий цвет города, широкую улицу Брод, на которой располагались театры и увеселительные заведения для интеллигенции тех годов (само название «Брод» мифологично – произошло то ли от «Бродвей», то ли от глагола «бродить»). Закодированы также некоторые исторические имена: «...мой город-пространство, где хаживал почти по-калмыцки странный и пестрый чудак Калмык, не по “Слову”, а по-нашему в “тьме тараканьей” возвышенно-гордо (воистину “сал” – здесь: человек искусства. – прим. автора) бормотал бормотухе подзаборные чудные вещи Мукагалище и жуткий Олжасуха, ужасая, “кыз-куу”-ийствовал истово, кого-то ужаривал по половецкому краю, пока не поймал свой “глиняный слог”...» [9]. Без труда в этих шифрах культурная память казахстанцев опознает имена известнейших поэтов и писателей Мукагали Макатаева и Олжаса Сулейменова, расшифровке поддается и имя известного художника Сергея Калмыкова, названного в повествовании Калмыком. Встречается в романе и «реформатор с отметиной на лбу» (далее этого героя называют «меченый»), в котором без труда опознается фигура М. Горбачева. Накипов прибегает к жанру «романа с ключом» для отображения сути истории, зашифрованной и мифологизированной, что заставляет осмыслять и жизнь самого творца как миф [10]. Можно вычленив в романе и элементы антиутопии: параллельно с «настоящей» реальностью существует вселенная, где две планеты-близняшки – Земля и безымянная голубая планета – связаны кругом предстояния, заходить за который жителям голубой планеты строго запрещено S-кодексом. Однако один из героев ро-

мана – Раль – обладает способностью входить в круг предстояния, и открывающаяся ему реальность первобытного земного племени самионов завораживает его своей дикой красотой.

Интересен метафорически переданный автором взгляд на историю, особенно на ее «переписывание» победителем. В романе присутствует эпизод, когда молодой самец самионов занялся сексом с такой же молодой, но замужней самкой. Для них обоих это было ничего не значащее приключение в жаркий, сытый летний полдень. Однако вождь племени воспротивился перспективе бесконтрольных соитий и устроил героям позорное погребение. Через десяток страниц читатель узнает, что к месту погребения призываются воины, идущие на охоту или битву, и вождь в обращении к молодым воинам (не заставшим сам инцидент) воспроизводит иную картину событий – случайное соитие подается как инцест. Воины мочатся на позорное место и отправляются в бой. Так демонстрируется недостоверность самого понятия «народной памяти» (весьма актуального для советского периода литературы Казахстана). Д. Накипов переосмысливает традицию, одновременно поднимая проблему достоверности истории. Если даже древние племена прибегали к спекуляции фактами, то что мы *действительно* знаем о событиях прошлого? Можно сделать вывод, что передача макроистории сквозь множество микроисторий есть не что иное, как единственный способ собрать реально совершившиеся события в какое-то подобие единства. Однако культурный феномен народной памяти по-прежнему значим для русскоязычной казахстанской прозы. В противовес героям западного романа, оторванным от своих корней и реальности социума, герои казахстанского романа все еще связаны со своими истоками, память рода достаточно сильна. Эта тенденция отражается в творчестве и постмодернистов, и реалистов, и представителей модернизма: так, в тетралогии А. Жаксылыкова «Сны окаянных» задействована характерная для творчества казахстанских авторов 70-х годов XX века тема Семипалатинского полигона (трагедия, случившаяся на Семипалатинском полигоне, все еще будоражит умы казахстанцев). При этом Жаксылыков, творчество которого тяготеет к модернизму, в передаче экзистенциальной безысходности во многом схож с А. Платоновым и его «Котлованом». Затрагивается проблема физического вырождения человека (используются натуралистичные картины страданий и смерти как данности и обыденности), а также потери индивидуумом национального, исторического самоощущения и ориентации.

Многие произведения казахстанских писателей обращены к экзистенциальной проблематике, в частности к теме тотального одиночества и разобщенности людей. Разрозненность сюжетных линий и взаимная глухота персонажей, обращение героев внутрь себя, что мотивирует определенные нарративные стратегии, – все это сближает русскоязычную казахстанскую прозу с мировыми тенденциями и позволяет ей быть вписанной в мировой литературный контекст. И здесь мы возвращаемся к сказанному выше о субъективном характере передачи того или иного явления или картины действительности. Дело в том, что во многих текстах современных русскоязычных писателей проявляется специфическое «двойничество»: каждый из разобщенных персонажей произведения может выступать отдельной ипостасью самого писателя, а герой появляться в окружении собственных «отражений». Напри-

мер, в романе Х. Абиева «Созвездие близнецов» автор, который именуется врачом, предстает как лирический герой, собственно рассказчик и собиратель мифов. В романе Д. Накипова «Круг пепла» авторская личность как бы разделяется на Балерину, Гевру и Дока. В романе А. Жаксылыкова «Поющие камни» поднимается вопрос о теневой стороне личности: каждый, кто встречается человеку на жизненном пути, есть тень его собственной личности. Так, герой Жан «отражается» в своей меркантильной жене, своим закланым враге и старике, к которому попадает в рабство. Само имя персонажа – Жан – переводится с казахского как «душа», что символически закрепляет предложенную автором концепцию, которая в сущности «отменяет» объективную реальность. Растворение автора в персонажах, а персонажей – в самих себе есть отличительная черта казахстанской прозы в целом. Свойственная национальному менталитету казахов открытость как бы проверяется и осмысливается в пространстве современной литературы, звучит тема утраты идентичности в мире глобализации. Авторы ищут ответ на вопросы: что важнее – личное или общественное? национальное или общечеловеческое? культурная идентичность или осознание себя частицей Космоса? В большинстве случаев ответы получаются отнюдь не однозначными. Итак, творческий и идейно-философский поиск позволил казахским русскоязычным авторам развить национальную литературу в новом направлении, приобщить ее к мировым литературным тенденциям.

Собственно русские авторы в Казахстане также обновляют традиции русской и советской прозы. В стране существует ряд русскоязычных литературных изданий, среди которых толстые литературные журналы «Простор» и «Нива», петропавловский журнал «Провинция», усть-каменогорский «Иртыш», костанайские «Берега» и др. Среди молодых писателей большей популярностью пользуется поэзия, нежели проза, а в уже признанной литературе существенного родового «перевеса» не наблюдается. Если говорить о прозаических жанрах, то наиболее популярным из них является рассказ. Исследователь В. Савельева в статье «Рассказ в новейшей русской прозе Казахстана» выделяет его в качестве первожанра современной русской казахстанской прозы и определяет его жанровые модификации: «...рассказы классического типа (А. Арцишевский, Г. Доронин, С. Назарова, К. Гайворонский, М. Земсков), короткие рассказы (Е. Тикунова, Е. Терских, У. Тажикенова), юмористические рассказы (Р. Соколовский, К. Воскобойников), рассказы-притчи (У. Тажикенова, Г. Бельгер), рассказы-новеллы (О. Марк, О. Шиленко, В. Гордеев, И. Одегов), автобиографические рассказы (Н. Чернова, Г. Бельгер, Б. Каньяпов, К. Гайворонский), рассказы с элементами мифологизма, фантастики, абсурда и гротеска (Н. Веревошкин, Г. Доронин, А. Рогожникова, М. Величко) и другие» [11]. Как видим, исследователь не разделяет русскую и русскоязычную прозу Казахстана, мы же считаем, что принципиально говорить о художественной специфике той и другой.

Русская литература Казахстана имеет ряд отличительных черт. К примеру, авторы достаточно часто обращаются к русскому фольклору, органично вплетая элементы устного народного творчества в ткань собственного повествования. Так, цикл рассказов Н. Черновой «Кудыкины горы» представляет собой множественные аллюзии на русские сказки и поговорки. Подробному разбору этих

текстов посвящена статья Н. Исиной «Поэтика цикла Н. Черновой “Кудыкины горы”». Исследователь анализирует трансформацию сказочных элементов в современном авторском повествовании или их обнаружение, «прорастание» в новой истории. Например, рассказ «Вина» по сюжетной конструкции и типу персонажа похож на сказку «Морозко»: героиня чиста душой, а жизненные обстоятельства вынуждают ее пуститься в странствия. В рассказе «Сын Пушкина» усматриваются аллюзии на «Снегурочку». Само название цикла отсылает к присказке «на Кудыкину гору, воровать помидоры», а многие из его частей представляют собой по сути стилизованные сказки [12]. Обращенность к фольклору демонстрирует глубокую связь произведений русских писателей Казахстана с традицией литературной сказки, начало которой было положено в дворянских кругах России в XVIII веке. Можно сказать, что русские писатели озабочены проблемой сохранения идентичности, особенно теперь, когда родной язык утратил статус государственного, что дает дополнительную мотивацию их обращению к национальным культурным традициям.

Герой книги рассказов Г. Доронина «Времен(ы)ой роман», по мнению В. Савельевой, отсылает к образу маленького человека, при этом озабоченного гамлетовскими вопросами, и вызывает в памяти целый корпус соответствующих героев русской литературы, в том числе недавних времен: «Он предстает как шукшинский чудик, или едущий в электричке Веничка Ерофеев, или вампиловский циник, маканинский интеллектуал, а может, мамлеевский монстр. Он наделен особым зрением, контактен, но и одинок во вселенной в своих перемещениях во времени, как экспериментатор братьев Стругацких. Этакий экзистенциальный герой сюрреалистических рассказов» [13]. Другой прозаический цикл Доронина, «Мир Вовочки», отсылает читателя к серии известных анекдотов советских времен, причем диссонирует с отмеченной выше тенденцией «опрокидывания» героя внутрь себя, характерной для многих русскоязычных авторов. Если их герои практически замкнуты на себе и пребывают в субъективном пространстве, то сюжеты рассказов из цикла «Мир Вовочки» хоть и содержат интенции героя, но взгляд его определенно фиксирует не внутреннюю, а объективную реальность, именно ее анализирует герой и ёрничает над ней. Семиклассник Вовочка активно воспринимает действительность и, как любой подросток, примеряет ее на себя, пытается вместиť ее в свою картину мира, по ходу дела эту же картину подправляя. На вопрос сочинения: «Чего больше всего на свете?» – Вовочка резонно отвечает: «Больше всего на земле рекламы... Может быть, только вранья больше... Но это как посмотреть, потому что вранье часто и есть реклама» [14]. Далее вся повествовательная линия рассказа «Мыльные пузыри» строится на различных текстах рекламы и интерпретациях заглавным героем и его окружением этой рекламы. Стилль данного цикла Доронина напоминает стилль «Компромиссов» С. Довлатова – общее настроение и тональность юмора, использованный жанр рассказа-анекдота позволяют провести эту литературную параллель.

Среди русских писателей Казахстана выделяется И. Одегов, лауреат национальных и международных литературных премий, занявший прочную нишу в казахстанской литературе. Цикл его рассказов «Любая любовь» имеет авторское жанровое определение – «концерт в 7 частях» и демонстрирует мастерское владение автором интермедийной техникой письма. Исследова-

тель О. Трутнева пишет: «В концерте “Любая любовь” Илья Одегов... возвращается к литературному эксперименту... Все части “Любой любви” написаны в своем ритме, в своем музыкальном жанре. Здесь и вальс, определяемый троекратными повторениями слов, действий, событий, и джаз, позволяющий героям солировать по очереди, и фолк, блюз, даже шансон. Эти отдельные, казалось бы, рассказы переплетаются сюжетами, героями, деталями в единый концерт, где каждый новый фрагмент звучит в унисон с состоянием души героя» [15]. Действительно, первая часть цикла – «В одной лодке» – представляет собой «вальс» с трехтактной структурой ритма, наложенного на повествование. Трехтактные повторы намечены и лексически («раз-два-три»), и композиционно. «За дверью» – вторая часть «концерта», призванная воплотить джазовые ритмы. На протяжении повествования неоднократно звучит саксофон, а ритмическая организация текста позволяет оценить сначала стремительно нарастающую скорость, а затем финальное замедление джазовой композиции, воплощенной в тексте. Третья часть концерта – «Чудовище» – отсылает к фольклорным мотивам, выбран и соответствующий жанр музыки – фолк. Используется мотив оборотничества, но в отличие от сказочного сюжета, где чудовище превращается в прекрасного принца, в третьей части концерта все происходит наоборот – герой Еркен в глазах обманутой женщины приобретает черты чудовища. «Благодарность» (четвертая часть) – это шансон, а «По ту сторону реки» (пятая часть) – это блюз. Шестая часть цикла («На одной линии») венчает ритмическое разнообразие частей, затухая и сводя на нет общую мелодию прозаического «концерта».

Другой одеговский сборник рассказов, «Культия», являет собой оригинальный образец осмысления текста и заключенной в нем реальности автором-постмодернистом. На протяжении всего повествования, от рассказа к рассказу, автор исследует грани такого явления философии постмодерна, как телесность, пытаясь найти способы осмысления этого феномена и пути примирения с ним. Подобные литературные опыты обладают высокой степенью новаторства для современной казахстанской литературы.

Заключение

В целом можно сказать, что русская и русскоязычная литература Казахстана наследует традиции русской и мировой классики и стремится в разных формах вписать себя в современный контекст. В последние годы она сделала значительный рывок в пространство мировой литературы, о чем свидетельствуют интересные поиски авторов в содержательно-формальной сфере, смелые творческие эксперименты. На русском языке пишут сегодня в Казахстане не только этнические русские, но и казахи-билингвы, причем иногда в списке изданных произведений одного и того же автора можно обнаружить как романы или повести на русском языке, так и тексты на казахском – ярким примером тому может служить литературное наследие Роллана Сейсенбаева. Таким образом, можно утверждать, что русский язык как язык творчества все еще актуален для литературы Казахстана, несмотря на потерю им статуса государственного. Русскоязычная литература стремится обживать и интерпретировать мировые литературные тенденции – прежде всего постмодернизм, ориентирована на

эксперимент, усложненные повествовательные стратегии, жанровый микс. Остро-социальные темы отходят на второй план, заменяясь общемировыми: актуализируется стремление познать мир и определить место в нем не только отдельного человека, но и его прошлого, прошлого его страны, преломленное через индивидуальное сознание. Происходит отказ от «нарочитой» этники, напротив – персонажи выглядят скорее «космополитичными», имеющими не столько национальность, сколько память о земле, на которой они родились, и событиях, происходивших с ними на этой земле, осознающими свою привязанность к хронотопу истории. Вместе с тем в этих текстах частотны отсылки к тем или иным произведениям русской литературы, иногда указания на авторов, послуживших источником вдохновения или восхищения, что свидетельствует об актуальности русской классики для писателей-билингвов.

Русские авторы отчетливо тяготеют к своим литературным «корням», нередко ориентируются на народное словесное творчество, включая советский фольклор. Если русскоязычная литература старается актуализировать себя прежде всего в мировом пространстве, то русская очерчивает свои границы в среде иноязычия и инокультурности, в связи с чем она заметно ориентирована именно на национальные литературные традиции. Примечательно, что герои многих произведений русских писателей как раз имеют национальную идентичность, вероисповедание и т. д., их авторы не готовы раствориться в космополитичном пространстве мировой культуры, что обусловлено в первую очередь социокультурной ситуацией.

Список литературы

- [1] *Бурцева Ж.* Транскультурная модель якутской русскоязычной литературы: художественно-эстетические особенности: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Якутск, 2008. URL: <http://cheloveknauka.com/transkulturnaya-model-yakutskoy-russkoyazychnoy-literatury-hudozhestvenno-esteticheskie-osobennosti> (дата обращения: 5 марта 2020 г.).
- [2] *Сулейменов О.* Земля, поклонись человеку! 1961. URL: <https://stihi.ru/2011/09/10/3523> (дата обращения: 27 февраля 2020 г.).
- [3] *Сагандыкова Н.Ж.* Штрихи к творческому портрету Олжаса Сулейменова // VIII Международная научно-теоретическая конференция, посвященная 90-летию Казахского национального педагогического университета имени Абая (Алма-Ата, 24–26 мая 2018 г.). Алма-Ата, 2018. С. 150.
- [4] *Ортега-и-Гассет Х.* Дегуманизация искусства. URL: <http://lib.ru/FILOSOF/ORTEGA/ortega12.txt> (дата обращения: 25 февраля 2020 г.).
- [5] *Сарсекеева Н.К.* Диалог традиций и новаторство казахстанской прозы периода Независимости // Керуен. 2015. Т. 42. № 3. С. 135–143.
- [6] *Сарсекеева Н.К.* Опыт самопознания прозы на рубеже XX–XXI вв.: учебное пособие. Алма-Ата: Казак университеті, 2006.
- [7] *Жаксылыков А., Жаппарова А.* Гипертекст Дюсенбека Накипова. URL: <http://tamug.org/?p=2614> (дата обращения: 1 марта 2020 г.).
- [8] *Овчеренко У.В.* Элементы жанра антиутопии в романе Д. Накипова «Круг пепла. Роман интенций»: проблема евгеники // Ломоносов-2018: Международная научная конференция студентов, магистрантов и молодых ученых (Москва, 9–13 апреля 2018 г.). М., 2018. С. 59.
- [9] *Накипов Д.* Круг пепла. Роман интенций. Алма-Ата, 2005. С. 101.
- [10] *Овчеренко У.В.* Роман Д. Накипова «Круг пепла. Роман интенций» как «роман с ключом». Образ Сергея Калмыкова // Проблемы поэтики и стиховедения: VIII Меж-

дународная научно-теоретическая конференция, посвященная 90-летию Казахского национального педагогического университета имени Абая (Алма-Ата, 24–26 мая 2018 г.). Алма-Ата, 2018. С. 132.

- [11] *Савельева В.* Рассказ как первожанр // *Простор*. 2011. № 3. С. 148–149.
- [12] *Исина Н.У.* Поэтика цикла Н. Черновой «Кудыкины горы» // *Проблемы поэтики и стиховедения: VIII Международная научно-теоретическая конференция, посвященная 90-летию Казахского национального педагогического университета имени Абая (Алма-Ата, 24–26 мая 2018 г.)*. Алма-Ата, 2018. С. 99.
- [13] *Савельева В.* Ампутированная жизнь и ее абсурд в сюрреалистических рассказах Геннадия Доронина // *Простор*. 2011. № 3. С. 153–155.
- [14] *Доронин Г.* Я б в волшебники пошел. Астана: Казахстанская правда, 2008.
- [15] Книжная полка Оксаны Трутневой // *Новый Мир*. 2015. № 12.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 10 марта 2020 г.

Дата принятия к печати: 25 марта 2020 г.

Для цитирования:

Овчеренко У.В., Монисова И.В. Русская и русскоязычная проза в ситуации мультикультурности: опыт Казахстана // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2020. Т. 25. № 2. С. 234–246. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2020-25-2-234-246>

Сведения об авторах:

Овчеренко Ульяна Владимировна, аспирант филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. E-mail: ovcherenko1993@gmail.com

Монисова Ирина Владимировна, кандидат филологических наук, доцент филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносов. E-mail: monisova2008@yandex.ru

DOI 10.22363/2312-9220-2020-25-2-234-246

Research article

Russian and Russian-speaking prose in the situation of multiculturality: experience of Kazakhstan

Uliana V. Ovcherenko, Irina V. Monisova

Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, bldg. 51, Moscow, 119991, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the modern literary process in Kazakhstan, specially its Russian and Russian-speaking segment against the background of integration movements in the world and specific cultural processes in the post-Soviet space. It reveals how much the situation and part of literature created in Russian language in the region over the past decades has changed, how a different identity, the mentality of a different culture is expressed and how in turn this culture affects Russian-language texts. An attempt is made to trace the main trends in the development of modern Kazakhstani literature in Russian, in connection with which the works of I. Odegov, G. Doronin, H. Adibaev, D. Nakipov, A. Zhaksylykov and others are analyzed.

It is concluded that the Russian language, even after losing its former status, remains in demand in the literature not only by ethnic Russians, but also by Kazakh bilinguals who are successfully experimenting with Turkisms. At the same time, Russian authors are concerned about the preservation of national identity, which motivates the appeal to classics and national folklore, while Kazakhs are more focused on the space of world literature.

Keywords: Kazakh literature in Russian, bilingualism, modern prose, cultural dialogue, identity, multiculturalism, integration, dialogue with the Other

References

- [1] Burtseva, J. (2008). *Transkul'turnaya model' yakutskoi russkoyazychnoi literatury: khudozhestvenno-esteticheskie osobennosti* [*Transcultural model of the Yakut Russian-language literature: artistic and aesthetic features*] (Abstract of the Dissertation in Philology). Yakutsk. Retrieved March 5, 2020 from <http://cheloveknauka.com/transkulturnaya-model-yakutskoy-russkoyazychnoy-literatury-hudozhestvenno-esteticheskie-osobennosti>
- [2] Suleimenov, O. (1961). *Zemlya, poklonis' cheloveku!* [*Earth, Bow down to Man!*]. Retrieved February 27, 2020 from <https://stihi.ru/2011/09/10/3523>
- [3] Sagandykova, N.Zh. (2018). Shtrikhi k tvorcheskomu portretu Olzhasa Suleimenova [Strokes to the creative portrait of Olzhas Suleimenov]. *Problemy poetiki i stikhovedeniya: VIII Mezhdunarodnaya nauchno-teoreticheskaya konferentsiya, posvyashchennaya 90-letiyu Kazakhskogo natsional'nogo pedagogicheskogo universiteta imeni Abaya (Alma-Ata, 24–26 maya 2018 g.)* [*Problems of poetics and poetry: 8th International scientific and theoretical conference, dedicated to the 90th anniversary of the Abay Kazakh National Pedagogical University (Almaty, May 24–26, 2018)*] (p. 150). Almaty.
- [4] Ortega y Gasset, H. (n.d.). *Degumanizatsiya iskusstva* [*Dehumanization of art*]. Retrieved February 25, 2020 from <http://lib.ru/FILOSOF/ORTEGA/ortega12.txt>
- [5] Sarsekeeva, N.K. (2015). Dialog traditsii i novatorstvo kazakhstanskoi prozy perioda Nezavisimosti [The dialogue of traditions and the innovation of Kazakhstani prose of the period of Independence]. *Keruen*, 42(3), 135–143.
- [6] Sarsekeeva, N.K. (2006). *Opyt samopoznaniya prozy na rubezhe XX–XXI vv.* [*The experience of self-knowledge of prose at the turn of the 20–21 centuries*]: textbook. Almaty, Kazakh University Publ.
- [7] Zhaksylykov, A., & Zhapparova, A. (n.d.). *Gipertekst Dyusenbeka Nakipova* [*Hyper-text of Dyusenbek Nakipov*]. Retrieved March 1, 2020 from <http://tamyр.org/?p=2614>
- [8] Ovchenerenko, U.V. (2018). Elementy zhanra antiutopii v romane D. Nakipova “Krug pepla. Roman intentsii”: problema evgeniki [Elements of the dystopian genre in D. Nakipov's novel “The Circle of Ashes. The novel of intentions”: the problem of eugenics]. *Lomonosov-2018: Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya studentov, magistrantov i molodykh uchenykh (Moskva, 9–13 aprelya 2018 g.)* [*Lomonosov-2018: International scientific conference of students, undergraduates and young scientists (Moscow, April 9–13, 2018)*] (p. 59). Moscow.
- [9] Nakipov, D. (2015). *Krug pepla. Roman intentsii* [*The Circle of Ashes. The novel of intentions*] (p. 101). Almaty.
- [10] Ovchenerenko, U.V. (2018). Roman D. Nakipova “Krug pepla. Roman intentsii” kak “roman s klyuchom”. Obraz Sergeya Kalmykova [D. Nakipov's “The Circle of Ashes. A novel of intentions” as “a novel with a key”. The image of Sergei Kalmykov]. *Problemy poetiki i stikhovedeniya: VIII Mezhdunarodnaya nauchno-teoreticheskaya konferentsiya, posvyashchennaya 90-letiyu Kazakhskogo natsional'nogo pedagogicheskogo universiteta imeni Abaya (Alma-Ata, 24–26 maya 2018 g.)* [*Problems of poetics and poetry: 8th International scientific and theoretical conference, dedicated to the 90th anniversary of the Abay Kazakh National Pedagogical University (Almaty, May 24–26, 2018)*] (p. 132). Almaty.

- [11] Savelyeva, V. (2011). Rasskaz kak pervozhanr [The story as the base genre]. *Prostor*, (3), 148–149.
- [12] Isina, N.U. (2018). Poetika tsikla N. Chernovoi “Kudykiny gory” [Poetics of N. Chernova’s cycle “Kudykiny Gory”]. *Problemy poetiki i stikhovedeniya: VIII Mezhdunarodnaya nauchno-teoreticheskaya konferentsiya, posvyashchennaya 90-letiyu Kazakhskogo natsional'nogo pedagogicheskogo universiteta imeni Abaya (Alma-Ata, 24–26 maya 2018 g.)* [Problems of poetics and poetry: 8th International scientific and theoretical conference, dedicated to the 90th anniversary of the Abay Kazakh National Pedagogical University (Almaty, May 24–26, 2018)] (p. 99). Almaty.
- [13] Savelyeva, V. (2011). Amputirovannaya zhizn' i ee absurd v syurrealisticheskikh rasskazakh Gennadiya Doronina [Amputated life and its absurdity in the surreal stories of Gennady Doronin]. *Prostor*, (3), 153–155.
- [14] Doronin, G. (2008). *Ya b v volshebnykh poshel* [I would have been a magician]. Astana, Kazakhstanskaya Pravda Publ.
- [15] Knizhnaya polka Oksany Trutnevoi [The bookshelf of Oksana Trutneva]. (2015). *Novyi Mir* [New World], (12).

Article history:

Received: 10 March 2020

Revised: 12 March 2020

Accepted: 25 March 2020

For citation:

Ovcherenko, U.V., & Monisova, I.V. (2020). Russian and Russian-speaking prose in the situation of multiculturalism: Experience of Kazakhstan. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 25(2), 234–246. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2020-25-2-234-246>

Bio notes:

Uliana V. Ovcherenko, Ph.D. student of Faculty of Philology of Lomonosov Moscow State University. E-mail: ovcherenko1993@gmail.com

Irina V. Monisova, Ph.D. Candidate, Assistant Professor of Faculty of Philology of Lomonosov Moscow State University. E-mail: monisova2008@yandex.ru